

5. Rey A., Chantreau S. Dictionnaire des expressions et locutions. Paris : Le Robert, 2015. 888 p.

Караваева Т.Л.

кандидат филологических наук, доцент;

Тер-Григорян М.Г.

кандидат филологических наук,

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова

УРОВНЕВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ УСТАНОВКИ НАРРАТОРА

Прагматические исследования речевой коммуникации нацелены на определение языковых средств, которые уместны в определенных социальных условиях для достижения необходимого коммуникативного эффекта – успешности соответствующего речевого акта.

На современном этапе развития языка, когда в распоряжении его носителей находится огромный запас языковых средств и опыт в их употреблении, на первое место выходят вопросы, связанные не столько с тем, как отразить то или иное мыслительное содержание, сколько с тем, как отразить его наилучшим образом, то есть решить коммуникативные задачи в короткие сроки и с максимальным эффектом воздействия на адресата.

Целью настоящего исследования является сравнение инвентаря речевых средств, используемых рассказчиками, преследующими разные коммуникативные цели.

Материалом исследования послужили 20 англоязычных нарративных дискурсов бытового характера, принадлежащие к разговорному стилю.

Нарратив с позиций его создания и восприятия представляется как особый речевой акт, возникающий в определенных ситуациях и выполняющий такие функции, как информация, развлечение, убеждение, переключение внимания.

В качестве определения *устного нарративного дискурса* в работе принимаем определение, данное Н.А. Бигуновой: полифункциональное коммуникативное семантико-структурное образование, вид естественно-

языковой устной коммуникации, главным для которого является событийность, передача действий во временной последовательности, для которого типично сочетание диалогических и монологических характеристик и характеризующееся экспрессивностью [1, с. 9].

В акте наррации прагматические соображения (создание правдоподобного и интересного нарратива, привлечение и удержание внимание слушателя, предупреждение перебиваний, отвлечений, угасания интереса к истории и т. п.), как правило, вторичны по отношению к главной цели, информативной. Между тем роль прагматических соображений в отборе говорящим модели рассказывания истории среди других способов сообщения информации не может быть недооценена.

Нарративом пользуются для передачи опыта скорее в целях собственного проявления (показа), чем в целях передачи информации или каких-то иных целях. Это указание на самопредставление рассказчика посредством его повествования увязывается с тем фундаментальным обстоятельством, что повествование есть не только информирование слушателей, что имели место такие и такие события, но и побуждение их пережить этот опыт, сообщение им чувства, что они были там, где все происходило. Вместе с тем отмечается, что одна из (предположительно, бессознательных) целей, которые преследуют говорящие, выбирая нарратив среди других способов сообщения информации, это «показ» себя и стремление заслужить одобрение в адрес их мастерства как рассказчиков [3; 4; 5; 6].

Дж. Беннетт перечисляет следующие мотивы, которыми руководствуются нарраторы: для собственного удовольствия от повествования, для радости от возрождения картин прошлого, с целью презентации себя. Истории также рассказываются как иллюстрации, примеры типичных случаев и полезны в качестве носителей информации в легко запоминающейся форме [3].

Р. Шенк выделяет следующие мотивы:

- История рассказывается ради себя, чтобы представиться в выгодном свете,
- Чтобы привлечь внимание слушателей, т.е. для самопрезентации рассказчика.
- Чтобы не только другие поняли рассказчика, но также для того, чтобы понять себя самого.
- Чтобы дать понять собеседнику, что ему сочувствуют, поддерживают.

– Чтобы поддержать разговор, развить предложенную собеседниками тему [2].

Таким образом, среди прагматических мотивов, ведущих к порождению устных нарративов, выделяются желание проинформировать, уберечь от нежелательных поступков, предостеречь, или, наоборот, подтолкнуть слушателя к каким-либо действиям (дать урок или пример другим людям, слушателям); самооправдание собственных поступков; желание осмыслить собственные действия и в целом жизнь; желание привлечь внимание; снятие психологического напряжения, внутреннего конфликта; желание вызвать одобрение, похвалу, покрасоваться, выставить себя в выгодном свете.

В выборке данного исследования в 12 нарративах описываются трагические или неприятные случаи с целью уберечь слушающего от повторения ошибок рассказчика, вызвать сочувствие, а 8 нарративов являются описаниями необычных и веселых случаев, прагматической целью которых является желание удивить, развлечь, рассмешить.

Зафиксирована вариативность оценочной лексики: прилагательных, существительных, глаголов, которые имеют положительную окраску при описании веселых событий, желании рассказчика развлечь, рассмешить слушателей и негативную – при описании грустных, трагических событий, желании поделиться печальным опытом, вызвать сочувствие собеседника. Для сравнения приведем два блока примеров: в первом (развлекательном) выделены положительно-эмоциональные оценочные прилагательные и существительные, а во втором (поучительном) выделены отрицательно-эмоциональные оценочные части речи:

1) *It was actually **terribly amusing**, this, because on the plane there was the Marquis of Bath with his wife, with their Rolls Royce.*

*And I had some **very nice** time, sitting down at the bottom of holes, while they recited poetry in Irish to me, you know.*

*Anyway, anyway, that's the real thing you – you can just go somewhere and see the most **extraordinary** sights. It's an **entertainment** in itself.*

2) *We had a rather **unfortunate** experience in the family.*

*So we rushed over and, in fact, to our **dismay** and **horror**, in fact, we found this had happened.*

*Then Idris got **terribly upset**, he was also **sad** about it and upset about it and started to **cry**, as he said I **ruined his life**.*

На уровне синтаксиса установлено, что повествующие о веселом событии оперируют более короткими предложениями, в их речи

больше эллиптических предложений. Кроме того, для их речи характерно большее количество простых (на 11,2% больше, чем в речи «грустных рассказчиков») и сложносочиненных предложений (на 8%). Речь повествующих о грустном событии изобилует, главным образом, сложноподчиненными предложениями.

На просодическом уровне наиболее значительное влияние прагматический фактор оказывает на темп речи. Темп речи рассказчиков, прагматической целью которых является желание удивить, развлечь, более быстрый в сравнении с темпом речи рассказчиков, цель которых вызвать сочувствие (средняя длительность слога составляет 305 мс у «веселых» и 275 мс у «грустных» рассказчиков). Кроме того, речь рассказчиков, повествующих о неприятных событиях, преследующих своей целью предостеречь адресата и вызвать его сочувствие, отличается большим количеством пауз и более упорядоченным ритмом, в то время, как ритм рассказчиков, цель которых позабавить и развлечь, является нестабильным, чередующимся.

Другим просодическим параметром, варьирующим в нарративах с разной прагматической направленностью, является тональный уровень, который был более высоким в речи рассказчиков, прагматической целью которых является желание развлечь, рассмешить (до 325 Гц) и более низким в речи рассказчиков, прагматической целью которых является желание вызвать сочувствие (до 295 Гц).

Таким образом, прагматическая установка нарратора отражается в выборе языковых средств всех уровней языка: лексического, грамматического и просодического.

Список использованных источников:

1. Бігунова Н.О. Рівневе подання концепту часу в усному нарративному дискурсі (на матеріалі сучасної англійської мови) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04. Одеса, 2003. 20 с.
2. Шенк Р.К. Обработка концептуальной информации. Москва : Энергия, 1980. 361 с.
3. Bennett G. Narrative as expository discourse. *Journal of American folklore*. 1986. Vol. 99. № 394. P. 416–433.
4. Dijk T.A.van. Action, action description, and narrative. *New literary history*. 1975. № 6. P. 273–294.
5. Robinson J.A. Personal narratives reconsidered. *Journal of American folklore*. 1981. Vol. 94. № 371. P. 59–86.

6. Schiffrin D. The transformation of experience, identity and context. *Toward a social science of language. Vol. 2: Social interaction and discourse structures.* 1997. P. 41–55.

Коваль Х.В.

студентка,

Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова;

Науковий керівник: Марченко Н.В.

кандидат педагогічних наук, доцент,

Навчально-науковий інститут неперервної освіти

Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова

СТРУКТУРА АНГЛОМОВНИХ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ ТА ПРИРОДА ЇХ КОМПОНЕНТІВ

Фразеологія охоплює величезний досвід людей, відображає ідеї, пов'язані з трудовим, побутовим та культурним життям людей. У лінгвістичній літературі цей термін використовується для виразів, де значення одного елемента залежить від іншого, незалежно від будови та властивостей одиниці [4, с. 118]; з іншими авторами він позначає лише такі, що є образними, експресивними та емоційними [1, с. 89]. Н.Н. Амосова називає такі вирази фіксованими одиницями контексту, тобто одиницями, в яких неможливо замінити будь-який з компонентів, не змінюючи значення не тільки цілої одиниці, але й елементів, які залишаються цілими [1, с. 59]. О.С. Ахманова наполягає на семантичній цілісності таких фраз, що переважають над структурною відокремленістю їх елементів [3].

Значна кількість мовознавців, такі як Виноградов В.В., Томай Я., Арнольд І.В., Кунін А.В., були зацікавлені у вивченні фразеологічних одиниць. Вони ретельно дослідили природу фразеологічних одиниць і вивели можливі їх класифікації. З огляду на це, метою нашої розвідки є класифікація англомовних фразеологізмів та визначення природи їх компонентів.

Відповідно до досліджень Виноградова В.В. класифікація фразеологізмів базується на мотивації одиниці, тобто на взаємозв'язку між